

СУДЬБЫ...

Любовь Сталбо

Эти воспоминания о тяжких судьбах близких мне людей – напоминание потомкам о происходившем в СССР в течение моего века.

Семья моя принадлежала к еврейско-русской интеллигенции, пострадавшей (как и другие подобные семьи) от войн, революций и репрессий.

В XIX веке прадед Яков Фельдман (отец деда, Моисея Яковлевича Фельдмана, со стороны моей матери) был владельцем лесной биржи в устье Днепра на Голой пристани. Прадед имел 12 детей. Все получили образование. Устроив сыновей и выдав замуж дочерей, прадед продал Лесную биржу. Похоронив жену, он поселился в гостинице в Одессе. Умер до моего рождения.

Сын прадеда, Моисей Яковлевич Фельдман, негодичант, почётный гражданин России, был отцом моей матери. Жена его, моя бабушка, Сарра Давидовна Бродская, окончила Сорбонну.

Из потомков осталась моя семья [1], кроме того, знаю ещё некоторых родственников.

Это младшая дочь прадеда, сестра М. Я. Фельдмана, Екатерина Яковлевна Снисаренко, у которой были три дочери и три сына. Сын Аркадий, главный инженер завода «Авиаприбор» в Москве, был арестован и погиб в 30-е годы, реабилитирован.

Помню брата дедушки, Илью Яковлевича Фельдмана. Он был строителем первых в Москве холодильников. Был репрессирован в 30-е годы и исчез.

Брат деда Арон Яковлевич был коммерческим директором одного из подмосковных заводов. Его дочь Лидия Мягкова, инженер, всю жизнь проработала на заводе Метростроя. Её сын, Борис Мягков, написал интересную книгу по литературным местам Москвы.

Другим дедом моей мамы был Давид Бродский. Об этой семье я писала ранее (статья об Адольфе Бродском, «Второе дыхание» № 17, 2007 г.[2]).

Я родилась 12 октября 1911 г. Меня воспитывал отчим, Александр Морицевич Варковицкий. У него был брат Яков и две сестры: Любовь и Елизавета. Вот как сложились их судьбы.

- Яков Морицевич был крупным предпринимателем. В Одессе он совместно с братом Александром и компаньоном Борисом Фихманом владели Техническим домом, который снабжал Юг России электрооборудованием. В 1918 г. Яков эмигрировал в Румынию.
- Александр Морицевич, мой отчим, в 1920 г. умер от брюшного тифа.
- Любовь Морицевна стала женой Николая Алексеевича Пересветова, работавшего в газете. Попутно замечу, что, придя в 25-26 году к тётке Лёле Пересветовой, я увидела на стене портрет Сталина. Это вызвало мою насмешку: «Повесили новую икону» (у нас в семье вождей не почитали). Моё замечание повергло её в страх: «Тише, тише, соседи услышат!».

- Елизавета Морицевна (Алексеевна по имени крёстного отца) вышла замуж за профессора Александра Фёдоровича Лебедева. Проф. А. Ф. Лебедев в 1927 г. ездил на конгресс почвоведов в США с группой советских учёных, возглавляемой Николаем Вавиловым.

У Лебедева была почвенная лаборатория на Медвежьей Горе, обслуживающая строительство Беломорско-Балтийского канала.

В 1932 г. проф. А. Ф. Лебедев был арестован (1932-1935). Лабораторию перевели на строительство канала Москва-Волга. Лаборатория располагалась в г. Дмитров, под Москвой. По окончании строительства канала проф. Лебедев был награждён орденом, получил квартиру в Замоскворечье. Это в точности соответствует строкам поэта Виктора Бокова о советской действительности: «То захотят повесить, то захотят повесить...».

В 1937 г. сын Александра Фёдоровича, Николай, студент Ленинградского университета, был репрессирован и сгинул. Александр Фёдорович ещё до ареста сына умер. Елизавета Алексеевна, мать Николая, запрашивала органы НКВД о судьбе сына, но безответно...

Александр Фёдорович похоронен в Новодевичьем монастыре. Урны с прахом его жены и сестры захоронены в той же могиле.

Николай был талантливым юношей. У меня сохранился его дневник с выполненными им прекрасными рисунками...

* * *

За свою столетнюю жизнь мне пришлось соприкоснуться со многими трагическими судьбами.

Мама, Варковицкая Лидия Моисеевна, была в 20-е годы, до 32 г., секретарём редакции «Художественная литература» Госиздата, печатались «Серапионовы братья», группа «Попутчики». С приходом в литературу РАППа (Российская Ассоциация Пролетарских Писателей) она вынуждена была уволиться (или её уволили) [1].

С моего раннего детства до последних лет жизни отчима И. Бабель и А. Варковицкий были гимназическими товарищами. Затем они вместе заочно учились в Киевском коммерческом институте, куда ездили в 1914-16 гг. Позже И. Э. часто бывал у нас, и всегда с подарками для нас, детей, – он очень любил доставлять радость.

После его ареста и гибели в 1939 г. мы общались с его женой Антониной Николаевной Пирожковой и дочерью Лидой. После войны Антонина Николаевна с внуком Андрюшей, приезжая в Ленинград, бывала и жила много раз у мамы, читала нам ещё не изданные воспоминания об И. Э. Бабеле.

Бывая в Москве неоднократно, я навещала её в маленькой квартире на Каховской и позже, в квартире у метро Аэропорт. Сохранился пригласительный билет в ЦДЛ на столетие Исаака Эммануиловича. Вёл вечер Фазиль Искандер. Меня пригласили туда Антонина Николаевна и Лида.

Внук Исаака Эммануиловича Андрей женился на американке. За ним эмигрировали Лида и Антонина Николаевна. Жили они в Вашингтоне, а затем – во Флориде, где Антонина Николаевна умерла в 2010 г. Мы с Лидой продолжали общаться после ухода А. Н. из жизни...

* * *

В те годы, когда я была ребёнком и подростком, к нам часто заходили О. Э. и Н. Я. Мандельштам, Ю. Н. Тынянов, К. И. Чуковский.

В 20-е годы Надежда Яковлевна и Осип Эмильевич Мандельштам неоднократно бывали у нас дома. Издавались «Разговоры с Данте». Мама как секретарь редакции отдела художественной литературы следила за процессом издания. Помню, как по поручению

мамы я возила Осипу Эмильевичу какую-то корректуру в Детское село. В помещении Пушкинского лицея, в бельэтаже, я попала в большую тёмную комнату с опущенными днём портьерами. В комнате было много кукол, которые Надежда Яковлевна делала для кукольного театра Домени.

Это, очевидно, был тогда для них единственный источник существования. Деньги на пропитание они постоянно одалживали.

После отъезда из Ленинграда, ареста и гибели Осипа Эмильевича Мандельштама была сослана также и Надежда Яковлевна. После смерти Сталина она была освобождена, но с запрещением жить в крупных городах СССР («с минусом»). Работала в Пединституте в г. Пскове и нелегально по литературным делам наследия О. Э. Мандельштама (вероятно, при издании «Воронежских тетрадей») бывала в Ленинграде. Жила она у мамы на Невском, 27. Приезжая из Сестрорецка, где жила и работала, я её там неоднократно встречала. Надежда Яковлевна была очень истощена, измождена, но, как всегда, оставалась ироничной и доброй.

Когда уже были изданы за границей её «Воспоминания» и Н. Я жила в Москве, в Черёмушках, мы с сестрой её навестили. Это было незадолго до её кончины.

* * *

Редакция Госиздата помещалась в доме Зингера на углу Невского и канала Грибоедова. Мы жили через дорогу – Канал Грибоедова, 18.

Время было голодное. В мансардном этаже Дома книги была столовая, где подкармливали сотрудников и писателей. И мы, трое детей Лидии Моисеевны Варковицкой, иногда там обедали.

Конечно, было интересно узнавать авторов книг, которые мы любили, например, К. И. Чуковского, С. Я. Маршака. Есть мамин стишок на эту тему [3].

С каким-то поручением мамы я была дома у Корнея Ивановича, в Артиллерийском переулке, угол Кировной. Помню тёмную столовую с громадным круглым столом.

Сохранилась только часть переписки многих писателей и мамы. Материалы хранятся в её архиве в Гос. Библиотеке в Москве, фонд № 729 [3].

Большая часть архива пропала в блокаду Ленинграда. В том числе пропали изданные в 20-е – 30-е годы книги с автографами авторов.

В декабре 1941 г. взрывной волной от бомбы, повредившей дом Энгельгардта, где помещался и помещается Малый зал Филармонии, в здании, где жила мама (Невский пр., 27, кв. 11), все окна были разбиты, а двери сорваны с петель. Бабушка, Сара Давидовна Фельдман (Бродская), укрытая всеми одеялами, лежала там одна, а больная мама находилась в госпитале.

Друг семьи, Вера Андреевна Осокина, актриса театра Балтфлота, ежедневно заходила к бабушке и приносила полтарелки супа. Жила она на казарменном положении в Доме офицеров. Во время бомбежки В. А. находилась у бабушки, а сразу же после этого отвела бабушку в бомбоубежище. Оттуда на следующий день Верочка и Николай Павлович Корн (артист театра и кино, ставший потом Народным артистом РСФСР) отвезли бабушку на санках в профилакторий у Смольного.

Мама, выписавшаяся из госпиталя, жила в надстройке Литфонда в квартире Елены Михайловны Тагер (русский прозаик) на Канале Грибоедова. Елена Михайловна в это время сидела в лагере. В этой квартире умерли мать и тётка Е. М. Оставалась дочь Елены Михайловны, подросток Маша Тагер, Зинаида Константиновна Шишова (детская писательница) и её сын, подросток Марат Брухнов.

В 1942 г. Марат и Маша убежали на фронт и воевали всю войну. Маша вышла замуж за своего командира, жила в Сибири и только в 1956 г. встретилась с матерью,

вернувшейся из лагеря. Марат Брухнов в 60-80-х годах был редактором в издательстве ЖЗЛ.

З. К. Шишова жила в Москве, переводила литовцев и переиздавала свои книги. Муж её, Аким Брухнов, был расстрелян в период Гражданской войны. Об этом писал В. Катаев в книге «Алмазный мой венец».

Мама и Зинаида Константиновна Шишова были дружны. Мы с сестрой после войны её навещали. Жила она рядом с Вертинскими на улице Горького (Тверской), против Центрального телеграфа, а позже – в Замоскворечье.

* * *

С 1934 года мы с мужем, в то время курсантом училища Фрунзе, прожили лето в писательской надстройке, в квартире поэта Куклина.

С 20-х по 80-е годы я постоянно бывала в Доме писателей (до пожара) в библиотеке и на вечерах. Мне приходилось общаться в Доме писателей с работавшей там матерью актёра Михаила Козакова, Зоей Александровной Никитиной. Она была дворянского происхождения и несколько раз сидела в советской тюрьме.

Его отец, Михаил Эммануилович Козаков, был известным писателем.

* * *

В нескольких словах расскажу о несчастливой женской судьбе моей мамы.

Её первый брак был ошибкой, и она вскоре рассталась с моим отцом.

Вторым мужем её был Александр Варковицкий, мой любимый отчим. Мама очень его любила. Я рассказывала о нём вначале. Он умер от брюшного тифа в 20 году.

Третий муж мамы, Борис Яковлевич Стародуб, погиб в авиакатастрофе в 1930 году.

Они были вместе меньше 4-х лет (1927-30 гг.).

Четвёртый муж мамы, Иван Тарасович Дмитроченко, был писателем. Они познакомились в Мурманске, где мама работала с 1932 года. Его судьба трагична и показательна для нашего времени. В 30-е годы он сидел по делу Табидзе. Позже был реабилитирован и ушёл добровольцем на фронт. В начале войны попал в плен, а числился пропавшим без вести.

В Союзе писателей его фамилия была среди погибших.

В 56 г. он появился, вернувшись из Англии. И, как многие, побывавшие в плену, он вынужден был возвратиться в Сибирь, на родину (в Томск). Вскоре он умер. Мама получила письмо от его сестры из Томска.

Источники

1. *Любовь Сталбо*. Ростки свободы. – *Бостон: Сборник MCRSS «Второе Дыхание»*, № 14-15, 2007, с. 226-233.
2. *Любовь Сталбо*. Выдающийся скрипач Адольф Бродский. – *Бостон: Сборник MCRSS «Второе Дыхание»*, № 17, 2007, с. 120-127.
3. *Л. М. Варковицкая*. Прошлое. Неопубликованные записки. – М.: Российская Государственная библиотека. Архив. Отдел рукописей. Фонд № 729.